

Лит. Россия, 1982, 14 мая

◆ ИЗ ПРОШЛОГО

ПЕРСТЕНЬ ДЕКАБРИСТА

Декабрист Александр Бестужев, автор романтических повестей о Кавказе, которыми зачитывались в 30-х и 40-х годах прошлого века, был, как и многие другие декабристы, разжалован из офицеров и сначала томился «во глубине сибирских руд», а потом отбывал тяжелые годы солдатской службы на Кавказе. Там он и погиб в 1837 году.

Люди, близко знавшие писателя, вспоминали о нем как о человеке энергичном, мужественном, темпераментном, близком по характеру его смелым и свободолюбивым героям, преданным в дружбе... Современникам запомнилась одна любопытная деталь: необычный перстень, с которым он никогда не расставался. Я. И. Костенецкий рассказывал: «Я помню это кольцо Бестужева: оно было древнее, серебряное, очень толстое и большое, наверху которого очень искусно была сплетена корзинка, в которую, вероятно, был вделан какой-нибудь камень. Кольцо это было найдено на Куликовом поле, и он всегда носил его на большом пальце правой руки, по обычаю чернессов, которые всегда носят на этом пальце железное кольцо, служащее им пособием при взводе ружейного или пистолетного курка». Костенецкий сообщал, что загадочный древний перстень Бестужев бережно хранил до последних дней своей жизни.

Меня заинтересовал этот перстень. Почему Бестужев так дорожил им? Не была ли с ним связана какая-нибудь романтическая история любви или дружбы? Ведь во взаимоотношениях декабристов, которые в большинстве своем были романтиками, важную роль играли всевозможные символы. Некрасов в поэме «Русские женщины» привел характерный для людей той поры эпизод: жена декабриста Волконского, последовавшая за мужем в Сибирь, увидела его наконец — в кандалах — и, «прежде чем мужа обнять, оковы к губам приложила». Итак, что это за перстень? Историю его мне удалось выяснить, когда я начала заниматься деятельностью другого участника декабристского движения — С. Д. Нечаева.

Степан Дмитриевич Нечаев, член Союза Благоденствия, был известен в 10—20-х годах XIX века как поэт и писатель. Современники ценили его афоризмы, вольнолюбивые стихи, романсы и песни. В «Застольной песне греков» Нечаев выразил свои мечты о торжестве добра и справедливости на земле:

Тогда мы братский круг
составим
И, разогнав тиранства тень,
Отчизны светлый день
прославим,
Как славим ныне
дружбы день!

Бестужев познакомился с Нечаевым, жившим тогда в Москве, в 1823 году, на заседаниях Общества любителей российской словесности при Московском университете. Молодые

люди быстро сошлись. Нечаев был в то время человеком живым, общительным, приятным в общении. Новые друзья часто встречались. Вместе бывали в архиве, у общих знакомых. Вскоре Бестужев поселился у друга. По вечерам они беседовали о том, что волновало тогда лучших людей России, — о крепостном праве, о необходимости гласности в судопроизводстве, о цензуре, особенно свирепствовавшей в Петербурге, решили вместе участвовать в литературном альманахе. Вскоре Нечаев становится активным сотрудником «Полярной звезды» Рыльева и Бестужева, помогает «полярным друзьям» — петербуржцам в издании их произведений.

Переписка Бестужева с Нечаевым красноречиво говорит об их обоюдной симпатии. «Где ты, милый? Что с тобою? Безутешная твоя Людмила посылает тебе два письма, сейчас полученные. Одно из них должно быть от Рыльева, которого ты давно прижал к ретивому... Я знаю, что ты ко мне писать не соберешься. По крайней мере, когда решишься опять побывать в Москве, вспомни, что у меня найдется для тебя всегда небольшая комната и трубка табак. О дружбе моей говорить не люблю. Догадливый поймет и сам, а кто не разгадает, счастливый ему путь», — писал Нечаев.

Нечаев был не только поэтом и писателем, но и историком и археологом. Ему принадлежат статьи о поле Куликовом и о Куликовской битве, напечатанные в «Вестнике Европы» и других журналах того времени: «Историческое обозрение Куликова поля», «Отечественные известия», «Описание вещей, найденных на Куликовом поле», «О найденных на Куликовом поле двух старинных оружиях» и другие. Он много рассказывал друзьям о поле Куликовом, показывал собранные им коллекции «старинки». В дневниках Бестужева сохранился листок с изображением трех крестов с надписью: «Найдены на Куликовом поле».

Перстень Бестужеву подарил тоже Нечаев. Однажды Бестужев признался журналисту Полемову: «Вы пишете, что плакали, описывая Куликово побоище. Я берегу, как святыню, кольцо, выкопанное из земли, утучненной сею битвой. Оно везде со мной; мне подарил его С. Нечаев».

События, последовавшие после поражения восстания 14 декабря, навсегда разлучили друзей. Нечаев, который не был в Петербурге во время восстания, не подвергся репрессиям. Впрочем, его командировка на Урал в 1826—1827 годах была замаскированной ссылкой, а в последующие годы он находился под полицейским надзором. Известно, переписывались ли друзья в 1830-х годах, но полученный им от Нечаева перстень Бестужев хранил до самой смерти.

С. МУХИНА
ВОЛГОГРАД